

ГОСИННИ

САМПЕ

Малыш Николя и его соседи

Machaon

Рене Госинни
Малыш Николая и его соседи
Серия «Малыш Николая»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25016789

*Малыш Николая и его соседи: рассказы / Р. Госинни; Махаон, Азбука-Аттикус; Москва; 2017
ISBN 978-5-389-13728-8*

Аннотация

Приключения малыша Николая продолжают! Этот весёлый, озорной мальчишка вместе со своими друзьями не устаёт придумывать всё новые и новые шалости, которые, надо признать, не всегда бывают безобидными. Конечно, ребят наказывают, ругают, даже ставят в угол, как всяких проказников. Мальчишки есть мальчишки!

Почитайте новые истории из жизни малыша Николая и его неугомонной компании. Как всегда, будет смешно!

Содержание

Новые соседи	5
Приятный сюрприз	13
Ту-у-у!	24
Как я играл с Мари-Эдвиж	32
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Рене Госинни Малыш Николая и его соседи

Жильберту Госинни

© 2004 IMAV éditions / Goscinny – Sempé

Художественные образы, сюжеты придуманы Рене Госинни и Жан-Жаком Сампе. Права на товарный знак сохранены за издательством IMAV.

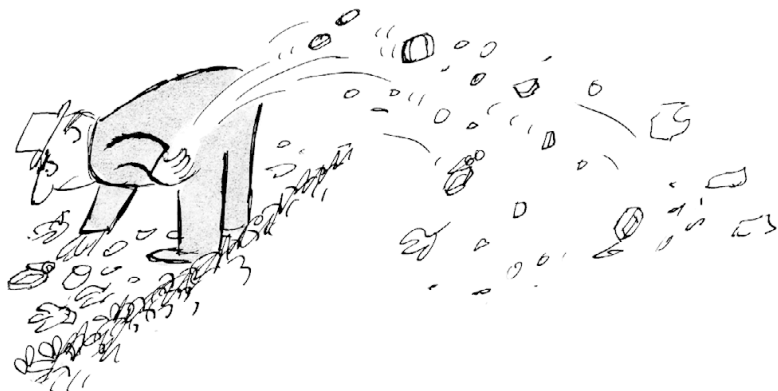
© Левин В. Л., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2017

Machaon®

Новые соседи

С этого утра у нас новые соседи!

У нас уже есть один сосед, месье Бледур, он очень хороший и всё время ссорится с папой, но с другой стороны нашего дома стоял пустой дом, и он продавался. Папа пользовался тем, что в том доме никто не живёт, и выбрасывал туда опавшие листья из нашего сада, а иногда ещё бумажки и разные вещи. Там никого не было, так что и историй из-за этого не было, а то однажды папа бросил шкурку апельсина в сад месье Бледура, и месье Бледур не разговаривал с папой целый месяц. И вот неделю назад мама сказала, что ей сказала молочница, что дом сбоку продан какому-то месье Куртеплаку, что он начальник обувного отдела в мага-

зине «Бережливый малыш», на третьем этаже, что он женат на даме, которая любит играть на пианино, и что у них дочка моего возраста. Больше молочница ничего не знала, она только слышала, что перевозкой занимается «Ван ден Плуг и Компания» и что произойдёт это через пять дней, то есть сегодня.

– Приехали! Приехали! – закричал я, когда увидел здоровый грузовик с надписью «Ван ден Плуг» на каждом боку.

Папа и мама подошли к окну гостиной смотреть вместе со мной. За грузовиком стояла машина, из неё вышел мужчина, у которого над глазами была куча бровей, потом дама в платье с цветами – она несла пакеты и клетку с птицей, а потом девочка такого же возраста, как я, с куклой в руке.

– Смотри, как она безвкусно одета, эта наша соседка, – сказала мама папе. – Как будто занавеску на себя нацепила.

– Да, – сказал папа, – и машина у них, похоже, постарее моей.

Из грузовика выскочили грузчики, и, пока мужчина открывал калитку в сад и дверь в дом, дама что-то без конца объясняла грузчикам, размахивая клеткой с птицей. Девочка всё прыгала вокруг дамы, а потом дама ей что-то сказала, и девочка перестала прыгать.

– Можно, я пойду в сад? – спросил я.

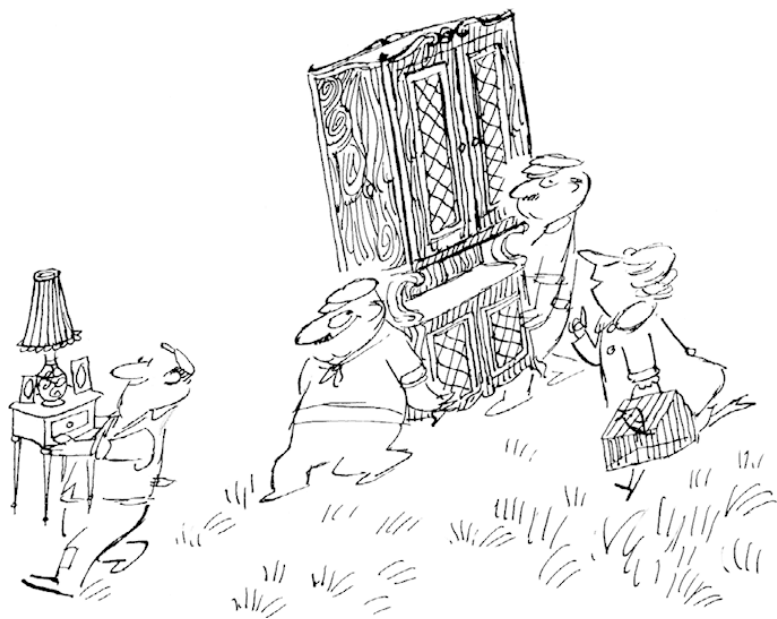
– Можно, – ответил папа, – только не мешай новым соседям.

– И не тарачись на них, как любопытный дурачок, – ска-

зала мама, – не надо быть бестактным.

И мама пошла со мной, она сказала, что ей срочно надо полить свои бегонии. Когда мы вышли в сад, грузчики вытаскивали из грузовика кучу мебели и ставили на тротуар, где стоял месть Бледур, который мыл свою машину, и я удивился, потому что месть Бледур моет свою машину в гараже. Особенно когда идёт дождь, как сегодня.

– Осторожнее с моим креслом в стиле Людовика Шестнадцатого! – закричала дама. – Накройте его, чтобы оно не промокло, у него очень дорогая обивка!

Потом грузчики вытащили здоровое пианино, на вид очень тяжёлое.

– Аккуратнее! – закричала дама. – Это концертный «Дрейель», очень дорогой!

Кому, наверное, было совсем не смешно, это птице, потому что дама всё время размахивала ею.

Потом грузчики стали затаскивать мебель в дом, и дама шла рядом и без конца говорила им, чтобы они ничего не разбили, потому что все эти вещи стоят кучу денег. Только я не понял, почему она так громко кричала, – может быть, потому, что грузчики её совсем не слушали и всё время веселились?

А потом я подошёл к живой изгороди и увидел, как девочка прыгает то на одной ноге, то на другой.

– Привет! – сказала она мне. – Меня зовут Мари-Эдвиж, а тебя?

– Меня – Николая, – сказал я и вдруг покраснел. Вот глупо!

– Ты ходишь в школу? – спросила она.

– Да, – ответил я.

– Я тоже, – сказала мне Мари-Эдвиж, – а ещё у меня была свинка.

– Ты так умеешь? – спросил я и перекувырнулся; хорошо, что мама не видела, потому что от мокрой травы на рубашке остаются пятна.

– Там, где я жила раньше, – сказала Мари-Эдвиж, – один

мой друг умел перекувыркиваться три раза подряд!

– Подумаешь! – сказал я. – Я могу сколько захочу, вот смотри!

И я стал кувыркаться, но мне не повезло, потому что мама увидела.

– Что это тебе взбрело в голову кататься по траве?! – закричала мама. – Только посмотри, во что ты превратился! И вообще, с чего ты решил гулять в такую погоду?

Тут из дома вышел папа и спросил:

– Что тут происходит?

– Ничего, – сказал я, – просто я кувыркался, как все люди.

– Он мне показывал, – сказала Мари-Эдвиж, – у него хорошо выходит.

– Мари-Эдвиж! – закричал месье Куртеплак. – Что ты там делаешь у кустов?

– Я играла с соседским мальчиком, – объяснила Мари-Эдвиж.

Тогда месье Куртеплак со своими огромными бровями подошёл и сказал Мари-Эдвиж, что хватит торчать на улице, что надо пойти в дом и помочь маме. Папа подошёл к живой изгороди с широкой улыбкой.

– Давайте простим наших детей, – сказал папа, – я думаю, у них это как удар грома.

Месье Куртеплак сдвинул брови, он не смеялся.

– Вы новый сосед? – спросил он.

– Хе-хе! – засмеялся папа. – Не совсем так, скорее это вы новый сосед, хе-хе!

– Пусть так, – сказал месье Куртеплак, – тогда вы окажете мне любезность, если не будете больше швырять ваши отбросы через живую изгородь.

Папа перестал смеяться, глаза у него стали круглыми.

– Вот именно, – продолжал месье Куртеплак, – мой сад – не завод по переработке вашего мусора.

Моему папе это совсем не понравилось.

– Скажите-ка! – сказал папа. – Вам, наверное, ваш тон кажется забавным? Наверное, вы нервничаете из-за переезда, но всё равно...

– Вовсе я не нервничаю! – закричал месье Куртеплак. – И вообще, каким тоном хочу, таким и говорю, но, если вы не желаете проблем, перестаньте относиться к этому участку как к своей урне, в конце концов, это немыслимо!

– Не слишком заноситесь с вашей старой колымагой и вашей жалкой мебелью, вот что! – закричал папа.

– Ах вот как? – спросил месье Куртеплак. – Ну ладно, поглядим. А пока что я верну вам должок...

Месье Куртеплак нагнулся и стал кидать в наш сад кучи опавших листьев, бумажки и три бутылки, а потом ушёл к себе в дом.

Папа постоял с открытым ртом, а потом повернулся к месье Бледуру, который всё ещё протирал свою машину, и сказал:

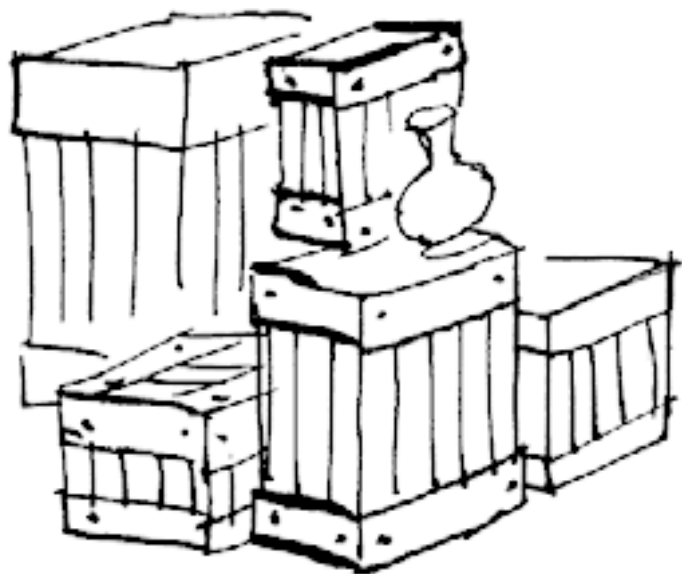
– Нет, ты видел, Бледур?

Тогда месье Бледур надул губы и сказал:

– Видел, видел. Стоило появиться новому соседу, и я для тебя больше не существую. Я всё понял!

И он ушёл к себе домой.

Похоже, месье Бледур ревнует.

Приятный сюрприз

Папа вошёл в дом, широко улыбаясь.

– Моё семейство будет довольно, – сказал он. – У меня для вас приятный сюрприз. Выгляните в окно и скажите, что вы видите.

– Я вижу полицейского, который выписывает штраф на какую-то зелёную машину, – сказала мама.

Тогда папа перестал улыбаться и выбежал. Мы с мамой пошли за ним.

Папа стоял на тротуаре и разговаривал с полицейским, который писал кучу всего на голубой бумажке с таким же видом, какой бывает у Бульона, нашего воспитателя, когда он записывает наши имена, чтобы потом наказать.

– Но послушайте, господин полицейский, – говорил папа, – я не понимаю...

– Этот автомобиль припаркован перед выездом из гаража, – ответил полицейский.

– Но это мой гараж и мой автомобиль! – закричал папа.

– Как – твой автомобиль? – спросила мама.

– Я всё объясню, – сказал папа, – ты же видишь, сейчас я занят.

– Ваш это гараж или нет, несущественно, – сказал полицейский. – Правила дорожного движения тут не делают различия. Надеюсь, вы знаете правила?

– Я всё-таки хотела бы услышать от тебя, что это за автомобиль?! – закричала мама.

– Я отлично знаю правила, я вожу уже много лет и предупреждаю: у меня есть очень высокопоставленные друзья! – сказал папа.

– Вот как? Тем лучше, – сказал полицейский, – может быть, они вам одолжат денег для оплаты этого штрафа. А пока что передавайте им привет!

Полицейский засмеялся и ушёл.

Папа остался стоять, весь красный, с голубой бумажкой в руке.

– Итак? – спросила мама, и вид у неё был очень нервный.

– Итак, – сказал папа, – я поменял нашу старую машину на эту. Хотел сделать вам приятный сюрприз, тебе и Николая, но всё пошло не так!

Мама скрестила руки на груди, а если она так делает, то, значит, очень сердится.

– Как? – спросила она. – Ты делаешь такую крупную покупку, даже не посоветовавшись со мной?

– Если бы я посоветовался, какой же это был бы сюрприз! – сказал папа.

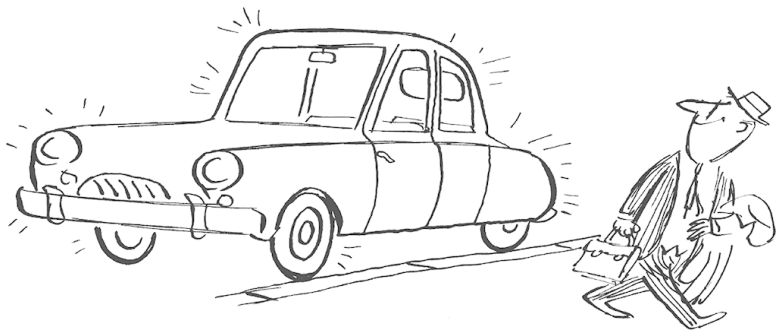
– А, ну конечно! – сказала мама. – Я недостаточно умна, чтобы давать тебе советы по покупке автомобиля. Женщины годятся только для кухни. Правда, когда ты сам идёшь покупать себе костюм, это просто чудеса! Вспомни тот, полосатый!

– А что с полосатым? – спросил папа.

– Ничего, если не считать того, что я бы такую ткань даже для обивки матраса не выбрала. Да она ещё и мнётся! Ты бы хоть насчёт цвета этой машины со мной посоветовался. Какой-то ужасный оттенок зелёного! К тому же ты знаешь, я не выношу зелёный! – сказала мама.

– С каких это пор? – спросил папа.

– Незачем хитрить. Я возвращаюсь на свою кухню, потому что только там мне место! – ответила мама и ушла.

– Отлично! А я-то хотел доставить вам радость! Получилось, что и говорить, – сказал папа.

Потом он посоветовал мне никогда не жениться, а я и не собираюсь, разве что на Мари-Эдвиж, нашей соседке, она классная!

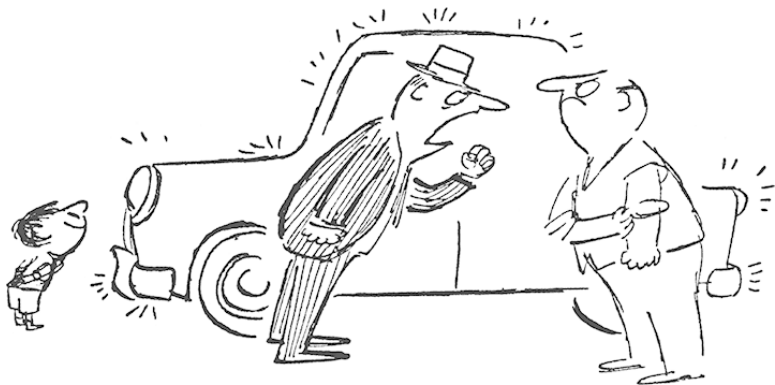
– Что тут за шум? – спросил месье Бледур, а мы и не слышали, как он подошёл.

Месье Бледур – наш сосед, они с папой всё время задирают друг друга. Папа резко обернулся.

– А! Я бы удивился, если бы ты тут не шнырял!

– Это что такое? – спросил месье Бледур, тыча пальцем в машину.

– Это мой новый автомобиль, – ответил папа. – Если ты не против.

Месье Бледур обошёл вокруг машины и выдвинул вперёд нижнюю губу.

– Странная мысль – купить такую, – сказал месье Бледур, – говорят, что она слабая, плохо держит дорогу.

Папа засмеялся.

– Да, – сказал он, – это как в басне про лисицу и виноград, который всегда слишком зелен.

Я знаю эту басню, там история про одну лисицу, которая хотела съесть виноград, но он был слишком зелёный, и она не могла его достать, тогда она пошла искать что-нибудь вкусное на другом дереве. Мы эту басню учили в школе на прошлой неделе, и я получил тройку, нет, ну что, когда у Альцеста набит рот, попробуйте понять, что он подсказывает!

– Ха, он слишком зелёный, чтобы быть слишком зелёным, – сказал месье Бледур и засмеялся. – Тарелка со шпи-

натом эта твоя колымага, вот что!

– Темнота, – сказал папа. – Этот цвет, чистый изумруд, сейчас в моде. А что до моей колымаги, как ты говоришь, нравится она тебе или нет, всё равно. Тебе в ней не сидеть, пока я жив!

– Если ты хочешь остаться живым, сам в неё не садись, – сказал месье Бледур. – При скорости двадцать километров на первом же повороте её занесёт.

– А не хочешь ли кулака в свою завистливую рожу? – спросил папа.

– Только попробуй! – сказал месье Бледур.

– Ах так? – спросил папа.

– Так! – ответил месье Бледур.

И они с папой стали толкаться, они часто так делают для смеха. Пока они валяли дурака, я залез в машину, чтобы посмотреть, какая она внутри. Она была классная, совсем новенькая, и в ней было так здорово! Я сел за руль и стал делать «врум, врум». Я попрошу папу, чтобы он научил меня водить. Жалко только, что ноги у меня не достают до педалей.

– Николая! – крикнул папа.

От неожиданности я так испугался, что нажал коленкой на клаксон.

– Немедленно вылезай, – сказал папа. – Кто тебе позволил?

– Хотел посмотреть, как там внутри, – сказал я, – я же не знал, что вы с месье Бледуром уже закончили!

И я заплакал. Из дома выбежала мама.

– Что тут происходит? – спросила она. – Ты дерёшься с соседями, ты заставляешь плакать малыша, и всё из-за этой машины, которую ты купил, не посоветовавшись со мной.

– Будут знать, – сказал папа. – Интересно, а как ты могла видеть всё это из кухни – ведь окно выходит на другую сторону?

– О! – сказала мама и заплакала.

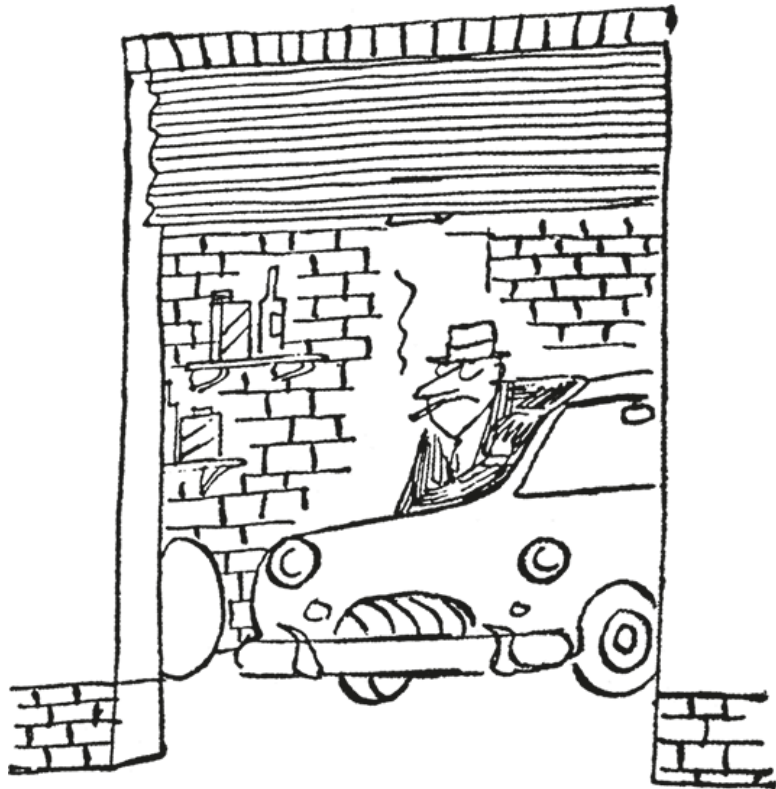
Она говорила, что никогда в жизни не слышала ничего обиднее, и что надо было послушаться её мамы (это моя бабушка), и что она очень несчастна. Я тоже плакал, и мы очень шумели, и тогда пришёл полицейский.

– Готов поспорить, что это сигналили вы, – сказал он и достал свою книжечку.

– Нет, месье, – сказал я, – это я сигналил.

– Николая, – крикнул папа, – помолчи!

Тогда я стал плакать, потому что это нечестно, ну правда, и мама взяла меня за руку и увела в дом. Пока мы шли, я слышал, как полицейский говорил папе:

– А вы всё ещё загораживаете выезд из гаража! Отлично! Вам будет что рассказать своим высокопоставленным дру-

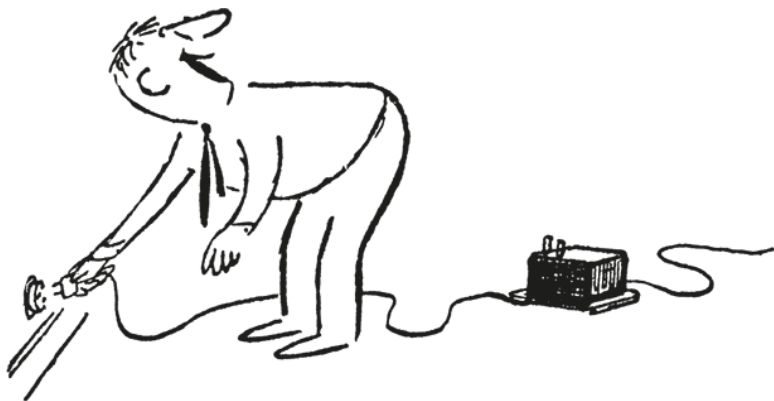
зьям!

Во время ужина папа ещё не вышел из гаража, он остался со своей машиной. Нам стало его жалко, и мы с мамой пошли к нему. Мама сказала папе, что, в конце концов, у автомобиля не такой уж и плохой цвет, а я сказал, что было бы прикольно заноситься на поворотах.

И папа был очень доволен, потому что понял: мы его простили.

Ту-у-у!

Вчера вечером, когда я уже вернулся из школы и поел (булочки с маслом), в дверь позвонили. Я пошёл открывать и увидел здоровенную коробку, а за здоровенной коробкой – своего друга Альцеста, он тоже не маленький.

– Ты откуда взялся, Альцест? – спросил я.

Альцест сказал, что пришёл поиграть со мной и принёс свой электрический поезд и что его папа разрешил побыть у меня до ужина. Я пошёл спросить разрешения у мамы, и она сказала, что не против, но мы должны себя хорошо вести «и подняться в комнату и чтобы я вас не слышала».

Я был очень доволен, потому что играть в электрический

поезд – это классно, особенно с Альцестом, он мой друг. Мы подружились ещё маленькими, кучу месяцев назад. Я ещё не видел электрический поезд Альцеста, его принёс Дед Мороз, а после Рождества я у Альцеста не был, но, судя по здоровенной коробке, поезд что надо. Правда, мне пришлось помогать Альцесту тащить коробку наверх, потому что на третьей ступеньке Альцест так дышал, что я испугался: вдруг поезд не дотянет до моей комнаты!

Когда мы добрались, Альцест поставил коробку на пол и открыл. Сначала он достал из неё три бутерброда, а надо вам сказать, что Альцест – жуткий обжора. Но под бутербродами был полный отпад! Рельсы, куча рельсов, со стрелками, с пересечениями, а ещё поворачивающиеся рельсы, а потом станция, железнодорожный переезд, две коровы, туннель и бутерброд с ветчиной, засунутый в туннель. В отдельной коробке был сам поезд, с зелёным локомотивом, двумя пассажирскими вагонами, одним товарным вагоном, платформой для перевозки брёвен, а ещё вагон-ресторан, как тот, что был в поезде, когда мы ехали на море, но мы туда не пошли, потому что мама приготовила бананы, яйца вкрутую и колбасу, и папа сказал, что это лучше того, что предлагают в поезде, и поругался с мужчиной, который продаёт напитки, потому что папа сказал, что они тёплые, а по-моему, они классные, потому что их дают с соломинкой.

– Ну вот, – сказал Альцест, жуя свой первый бутерброд, – рельсы мы положим здесь, дальше завернём туда, потом пу-

стим их под кроватью и шкафом. Здесь будет туннель, вон там – станция с переездом, а коров поставим тут.

– А может, коров лучше туда? – спросил я.

– Чей поезд, твой или мой? – сказал Альцест.

Тут он был прав, и мы поставили коров так, как решил Альцест. Удивительно, что Дед Мороз делает ему такие подарки, ведь на самом деле Альцест никогда не вёл себя слишком хорошо, и наказывают его чаще, чем меня, и учусь я не так плохо, как он, и это нечестно, и я стукнул его. Альцест посмотрел на меня с удивлением, и я засмеялся, потому что бутерброд, который он собирался съесть, от удара дёрнулся и измазал ему маслом ухо, и он ударил меня ногой по ноге. Я закричал, и пришла мама.

– Вы хорошо играете? – спросила мама.

– Ну да, нормально, – ответил Альцест.

– Да, мамочка, нам весело, – сказал я, и это правда, я очень люблю играть со своим другом Альцестом.

Мама посмотрела на нас и сказала:

– Мне показалось, что тут кто-то... Ладно, ведите себя хорошо.

И она ушла.

– Надеюсь, твои родители не будут нам мешать, – сказал Альцест, – а то мне нельзя долго, сегодня у нас на ужин тушёная говядина с овощами, и мне должна достаться мозговая кость.

Мы быстро всё собрали и подсоединили пульт управле-

ния – такую штуку с кнопками, от которой поезд ездит сам.

– А крушения будем делать? – спросил я.

По правде, самое прикольное, когда играешь в электрический поезд, – это делать крушения.

– Давай уберём рельс из туннеля, – сказал Альцест.

Я подумал, что это классная идея, и хотел вынуть рельс, но Альцест сам решил это сделать.

– Ладно, – сказал я, – а я пока что поставлю вагоны на рельсы, – и пошёл вынимать их из коробки.

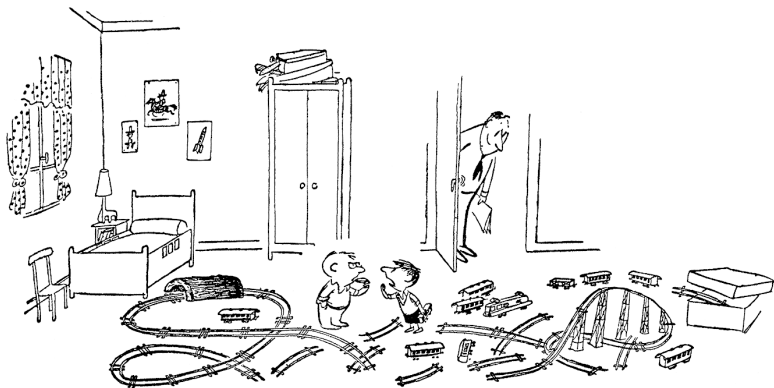
– Не трогай, сломаешь! – закричал Альцест, и изо рта у него полетели кусочки ветчины от бутерброда, который он жевал.

– Мы у меня дома, и я здесь могу трогать твой поезд, – сказал я Альцесту.

– Подумаешь, у тебя! Зато поезд мой, положи вагон! – сказал Альцест, и я стукнул его по голове пассажирским вагоном, а он стукнул меня вагоном-рестораном.

Мы стали драться вагонами, и тут в комнату вошёл папа, и глаза у него сделались большими.

– Видишь, они нам всё время мешают! – сказал Альцест.

Папа смотрел на Альцеста с открытым ртом.

– Мы тут играем, – сказал я папе, – Альцест притащил свой электрический поезд, и мама разрешила.

– Да, – сказал Альцест.

– У тебя рот заболит, Альцест, если ты со мной поздороваяешься? – спросил папа.

– Привет! – сказал Альцест, и папа вздохнул, а потом он увидел рельсы и поезд и свистнул.

– Надо же, – сказал папа, – какой отличный поезд!

– Это Альцесту Дед Мороз принёс, – сказал я папе.

А папа сел на пол и стал глядеть на поезд с довольным видом.

– Когда мне было столько же, сколько вам сейчас, – сказал папа, – я мечтал о таком поезде, но я слишком много учился, и времени на игры у меня не было.

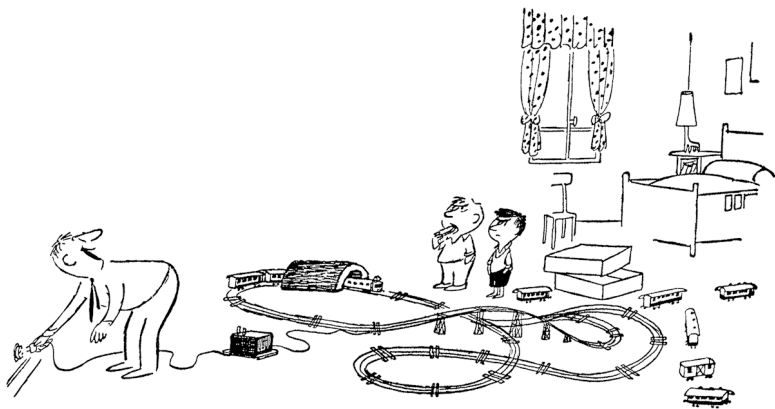
– Вы осторожнее со станцией, – сказал Альцест, – а то сломается. Папа согласился, чтобы я принёс поезд поиграть с Николая, но он не обрадуется, если что-то сломается.

Папа сказал, что ничего не сломает, а, наоборот, покажет нам, как надо играть в поезд.

– Дай-ка мне локомотив и вагоны, – сказал папа Альцесту, – я поставлю их на рельсы.

Альцест поглядел на папу так, словно тот съел его бутерброд, но поезд всё-таки дал, потому что он осторожный и никогда не дерётся с тем, кто больше его.

– Поезд отправляется! – закричал папа ужасно потешным голосом. – Пассажиры, займите свои места! Ту-у-у!

Потом он стал нажимать на кнопки, но поезд не поехал.

– Ну что там ещё стряслось? – спросил папа, огляделся и

потёр лоб, он был разочарован. – Эх, ребяташки, – сказал он, – вы же не вставили вилку в розетку! Как же он поедет? Хорошо, что я пришёл.

Папа засмеялся и воткнул вилку.

– Ну вот, – сказал он, – теперь поедет. Ту-у-у!

Папа нажал кнопку, и полетели искры, а потом погас свет во всём доме.

– Ага, – сказал Альцест, – всё как у нас. Я думал, это дома с электричеством что-то не в порядке, а папа сказал, чтобы я попробовал включить у кого-нибудь из друзей, и будет ясно, что это с поездом не в порядке. Вот, папа был прав.

Мой папа ничего не сказал. Он сидел на полу и смотрел на Альцеста не мигая.

– Ну ладно, – сказал Альцест, – мне пора, мама не любит, когда я поздно прихожу. Пока!

Мы с мамой ужинали со свечами на столе, это было классно. Жалко, что папа не пришёл ужинать с нами. Он остался сидеть в моей комнате и дуться. Неужели он так расстроился оттого, что не увидел, как бежит поезд Альцеста?

Как я играл с Мари-Эдвиж

Мари-Эдвиж живёт в соседнем доме; её родители – месье и мадам Куртеплак; у неё жёлтые волосы, розовые щёки, голубые глаза; она такая классная, хотя и девчонка. Я не часто её вижу, потому что месье и мадам Куртеплак не очень дружат с папой и мамой, а ещё потому, что Мари-Эдвиж страшно занята: у неё всё время уроки пианино и ещё куча всего.

Вот я и был сегодня очень рад, когда после обеда Мари-Эдвиж позвала меня поиграть с ней у них в саду. Я пошёл спросить разрешения у мамы, и она сказала:

– Я не против, Николая, но обещаю вести себя со своей по-

дружкой очень вежливо. Я не хочу никаких ссор. Ты знаешь, какая нервная женщина мадам Куртеплак, так что не давай ей повода жаловаться на тебя.

Я обещал и побежал к Мари-Эдвиж в сад.

– Во что будем играть? – спросил я.

– Ну, например, можно поиграть в больницу, – ответила она. – Ты будешь тяжелобольным, тебе будет очень плохо, а я тебя вылечу и спасу. Или, если хочешь, давай в войну, и ты будешь тяжело ранен, а я буду на поле боя и вылечу тебя несмотря на опасность.

Мне больше понравилось про войну, и я лёг на траву, а Мари-Эдвиж села рядом со мной и стала говорить:
– Ой-ой-ой! Мой бедный друг! Как тебе плохо! Хорошо,

что я здесь, я спасу тебя несмотря на опасность. Ой-ой-ой!

Игра была не очень весёлая, но мне не хотелось устраивать историй, ведь мама просила... А потом Мари-Эдвиж надоело делать вид, что она меня лечит, и сказала, что можно поиграть во что-нибудь другое, и я сказал:

– Ладно!

– А давай бегать наперегонки! – предложила Мари-Эдвиж. – Кто первый добежит до того дерева, тот победил.

Вот это было классно, тем более что на стометровке я зверь; на пустыре я всех ребят обгоняю, кроме Мексана, но это не считается, потому что у него очень длинные ноги с большими коленками. Пустырь в длину не сто метров, но мы считаем, что сто.

– Значит, так, – сказала Мари-Эдвиж, – я сосчитаю до трёх. На счёт «три» бежим!

И вдруг она побежала и, когда уже почти добежала до дерева, крикнула:

– Раз, два, три!

А потом запела:

– Я победила! Я победила!

Я объяснил, что, когда бегут наперегонки, начинают все вместе, а то это не по-настоящему. Тогда она сказала, что согласна и можно начать сначала.

– Но только я встану немножко впереди тебя, – сказала Мари-Эдвиж, – потому что это мой сад.

И мы побежали одновременно, но Мари-Эдвиж была гораздо ближе к дереву, чем я, и снова победила. Мы ещё несколько раз бегали, и я сказал – хватит, а Мари-Эдвиж сказала, что я быстро устаю, но что вообще бегать не так уж и весело и надо поиграть во что-нибудь ещё.

– У меня есть шары для петанка, – сказала она. – Ты играешь в шары?

Я ответил, что в шарах я зверь и выигрывал даже у взрослых. Это правда, один раз я играл с папой и с месье Бледу-

ром и выиграл у них; они долго смеялись, но я-то знаю, что они просто не хотели признаться, что проиграли! Особенно месье Бледур.

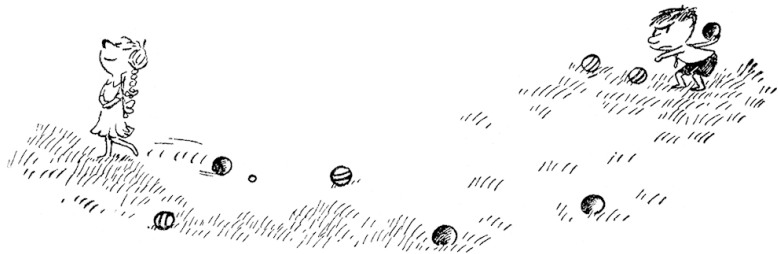
Мари-Эдвиж принесла классные деревянные шары всех цветов.

– Я возьму красные, – сказала она, – и кошонет кину я, и я начинаю.

Она бросила кошонет, потом свой шар (не очень-то удачно!), и я бросил свой намного ближе, чем она.

– Ну нет! Ну нет! – сказала Мари-Эдвиж. – Это не считается, я поскользнулась. Начнём по-новому.

Она снова бросила свой шар, но сказала, что опять поскользнулась; потом она ещё раз бросила, и её шар подкатился к кошонету ближе, чем мой. Мы стали играть дальше; Мари-Эдвиж перебрасывала свои шары сколько хотела, и мне захотелось домой, потому что так в петанк не играют, это совсем не весело, тем более если нельзя устраивать историй, ну правда!

– Уф! – сказала Мари-Эдвиж. – Что, если нам поиграть во что-нибудь полегче? Подожди, у меня дома есть игры, я сейчас принесу!

Я подождал, и Мари-Эдвиж вернулась в сад с большой картонной коробкой, в которой было полно всего: карты, жетоны, напёрстки, маленькая швейная машинка, только сломанная, игра «Змеи и лестницы» (у меня дома таких три), рука от куклы и ещё куча вещей.

– Может быть, в карты? – спросила Мари-Эдвиж. – Ты играешь в карты?

Я сказал, что умею играть в батай, что дома я несколько раз играл с папой и что это очень классная игра.

– Я знаю игру получше, – сказала Мари-Эдвиж. – Я сама её придумала. Вот увидишь, это здорово.

Игра Мари-Эдвиж была очень сложной, и я не совсем её понял. Она сдала нам по куче карт, и она могла смотреть в мои карты и менять свои карты на мои. Дальше было похоже

на батай, только сложнее, потому что, например, несколько раз она своей тройкой побила моего короля. Получается, что тройка бубен сильнее, чем король трэф. Я стал думать, что игра Мари-Эдвиж очень глупая, но ничего не сказал, чтобы не было историй, тем более что мадам Куртеплак высунулась в окно посмотреть, как мы играем.

Когда Мари-Эдвиж побила все мои карты, она спросила, не хочу ли я сыграть ещё одну партию, взять реванш, но я ответил, что предпочёл бы поиграть во что-нибудь другое, потому что её игра слишком сложная. Я пошарил в большой коробке и на самом дне отыскал – угадайте что? – шашки! А я в шашках зверь! Чемпион!

– Будем играть в шашки! – закричал я.

– Хорошо! – сказала Мари-Эдвиж. – Только я играю белыми и начинаю.

Мы положили доску на траву, расставили шашки на доске, и Мари-Эдвиж начала. Я дал ей съесть две мои шашки, и Мари-Эдвиж была очень довольна, но потом – тук, тук, тук – я съел у неё три шашки.

Тогда Мари-Эдвиж взглянула на меня, покраснела, подбородок у неё задрожал, как будто она собиралась плакать, в глазах были слёзы, она встала, ударила ногой по доске и пошла в дом, крича:

– Подлый жулик! Не хочу больше тебя видеть!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.